

Слова верующих — это горы.

А деяния верующих составляют мир.

Последние слова экклезиарха Дэациса VII

Астероиды били в иллюминатор, взрываясь клубами дыма и пыли. Верхние слои атмосферы Каэронии состояли из тонких грязных облаков, озаренных слабеющим светом звезды Борозис и отраженными от поверхности лучами.

При первом же знакомстве с планетой Аларик подумал, что она и есть тот источник загрязнения, который выплескивает в космос отбросы и заражает все вокруг. Сейчас это впечатление только усилилось.

— Теплообменник активирован, — раздался на канале вокс-связи механический голос из рубки — возможно, заранее записанный образчик, включенный сервитором-пилотом.

Сообщение означало, что корпус челнока начал разогреваться при контакте с атмосферой.

Внутри челнок был тесным и строго функциональным. Краска темно-красного цвета Адептус Механикус покрывала все стены. На потолке висели символы ордена — зубы и череп из стали и меди. Гравитационные кресла, рядами стоявшие в пассажирском отсеке, вмещали два десятка техностражей, Аларика и еще пятерых Серых Рыцарей, дознавателя Хокеспур, техножреца Талассу и архимагоса Сафентиса.

— «Образцовый» располагает данными, что астероиды вокруг планеты могут иметь не совсем естественное происхождение, — сказала техножрец Таласса, обращаясь к Хокеспур.

Возраст Талассы было трудно определить из-за серебряных схем, внедренных в ее кожу и образующих сложный рисунок на лице. Но, очевидно, техножрец еще не достигла высокого ранга, поскольку на ее простом темно-красном одеянии не было знаков отличия.

— Орудия челнока способны расчистить путь, — продолжала она, — но мы можем встретить сопротивление.

— Сопротивление? — заинтересованно переспросила Хокеспур. — Орбитальную артиллерию?

— Неизвестно. Но челнок предназначен для входа в плотную атмосферу, так что он выдержит даже сильный обстрел.

Аларик взглянул через проход на ряды сидевших техностражей. Они не снимали полностью закрывавшие лица шлемы с визорами из полированной меди и тяжелыми воздушными

фильтрами. Оружие техностражей Аларик определил как усовершенствованную версию стандартных лазганов Гвардии. Солдаты не открывали своих лиц и от этого были больше похожи на сервиторов, чем на воинов.

Турбулентность верхних слоев атмосферы вызвала дрожь судна. Сквозь иллюминатор Аларик видел черноту космоса, постепенно затягиваемую грязными облаками, и уродливые комки астероидов, становившихся оранжевыми при входе и выходе из атмосферы. Слабый свет Борозис пробивался через видимый сбоку сектор атмосферы над краем диска Казронии и вызывал в нем тусклое пурпурно-серое свечение.

Аларик чувствовал воздействие мира внизу, ощущал его через духовный стержень, предохраняющий душу от скверны. Он чувствовал пульсацию и биение — стук сердца планеты. Внизу была тупая древняя боль, словно агония кого-то старого и загнанного в угол. Целый мир испытывал мучения.

— А что известно о ереси, обнаруженной здесь сто лет назад? — спросил Аларик, обернувшись к Сафентису. — Были выявлены какие-нибудь подробности?

Сафентис покачал насекомообразной головой:

— Очень немного. Слухи о неподобающих действиях. Несанкционированное использование техники. Попытка подстрекательства духа машины. Исследование не было направлено на выявление определенных личностей. Надо было просто собрать данные о потенциале ереси против культа Механикус.

— Вам известны результаты исследования?

— Не было получено ни одного донесения.

— Но это ни о чем не говорит, не так ли? Архимагос, если вам хоть что-то известно о том, что ждет нас внизу, мы тоже должны это знать.

— У меня имеются только подробные отчеты о работе мира-кузницы до его исчезновения.

— А что теперь?

— Если все изменилось, нам придется узнать об этом самим.

Снизу в днище корабля что-то ударило. Челнок резко задрал нос, словно животное в прыжке, но затем вспомогательные двигатели выровняли положение.

— Столкновение, — раздался раздражающе спокойный голос сервитора из рубки.

Челнок стал раскачиваться, уклоняясь от налетающих астероидов. В иллюминатор Аларiku было видно, что в атмосфере поток астероидов стал еще гуще, словно направлявшийся к поверхности корабль притягивал их к себе. Атмосфера постепенно становилась плотнее. На поверхности астероидов, преодолевавших сопротивление воздуха, вспыхнуло пламя.

— Компенсаторы гравитации на полную мощность,— приказал Сафентис, как только корабль снова задрал нос, и по днищу пулями застучали мелкие осколки.

— Я — молот, — затянул брат Дворн. — Я — лезвие Его меча. Я — наконечник Его копья.

— Я — рукавица на Его длани, — подхватили остальные Серые Рыцари, подпевая молитву, которая была услышана Императором, когда они вошли в гробницу Святого Эвиссера на бой с Гаргатулотом.

Края иллюминатора покраснели от жара: противодействие атмосферы вызвало перегрев корпуса. Даже изнутри были видны языки пламени, охватившие корпус.

— Я — Его меч, а Он — моя броня, я — Его гнев, а Он — мое рвение...

В грохоте ударов и вое атмосферы за бортом, в скрежете вибрирующего всем корпусом челнока Аларик не слышал даже собственного голоса.

Техностражи, не обращая внимания на тряску и шум, оставались невозмутимыми и не двигались в креслах. Талассу сильно швыряло в ее ремнях безопасности, и она выглядела не такой спокойной. Хокеспур, всегда готовая к самому худшему, надевала шлем черного скафандра.

Аларик узнал низкие глухие удары, доносившиеся из носовой части корабля,— передние орудия взрывали несущиеся навстречу челноку астероиды. Осколки градом осыпали корпус и пролетали мимо иллюминаторов яркими искрами.

Чернота космоса исчезла. Ее сменило багрово-серое небо с мутными полосками облаков. На небо проецировались странные светящиеся геометрические фигуры; источник света прятался где-то далеко внизу. Челнок направлялся к возможному передатчику сигнала. Произведенные на «Образцовом» вычисления показывали, что источник трансляции находился в пределах семидесяти километров. Существовала большая вероятность ошибки, но это была единственная информация, которой располагала имперская экспедиция, перед тем как приступить к поиску ответов на поверхности Каэронии.

С неимоверным грохотом, словно ударила металлическая молния, что-то огромное налетело на нос корабля. Герметичность пассажирского отсека, в котором сохранялось стандартное для Земли давление, была нарушена. В отсек ворвался ветер и разбросал влетевшие обломки. Дверь рубки распахнулась, и за ней Аларик увидел землю — далекую черную массу с яркими огоньками, обрамленную осколками кабины. От сервитора-пилота остались только оторванные

механические руки, все еще летавшие в воздухе.

— Активация автосистем! — Голос Сафентиса перекрыл треск и грохот. — Приземление по схеме «Бета»! Вывести компенсатор на максимум!

Следующий удар пришелся в борт челнока и сорвал пластины брони. Иллюминатор треснул. Аларик успел заметить тонкие струи огня реактивных двигателей, протянувшиеся от корабля вниз в попытке замедлить падение. Корабль отвесно падал на поверхность планеты. Ужасающий удар, разваливший рубку, уничтожил последнюю надежду на машинного духа — теперь даже он не мог удержать судно.

Под ними расстился город, похожий на гигантского темного паука, обхватившего лапами опаленную темную землю. Размерами он не уступал среднему городу-улью, и рвущиеся вверх шпили неслись навстречу кораблю.

Очередной удар перевернул судно. Теперь челнок падал совершенно бесконтрольно, хотя двигатели еще ревели, пытаясь скорректировать траекторию.

— Я — молот! Он — мой щит!

Челнок врезался в самые высокие башни города, раскололся пополам, и даже устойчивость организма космодесантника не удержала Аларика от потери сознания.

Терпение Хорстгельда истощалось с каждой минутой. Предполагалось, что магос Корвейлан будет подчиняться его командам, но капитан Механикус опутал свой корабль паутиной волокиты и протоколов. И все это — лишь бы не позволить Хорстгельду направить на «Образцовый» своих офицеров. Даже комиссара флотилии Леюнга.

Хорстгельду пришлось до сих пор оставаться на мостике и ждать, пока Корвейлан соизволит освободиться от обязанностей техножреца и выйти на связь.

Моральная угроза, исходящая от планеты внизу — по всей видимости, Каэронии, — была признана настолько сильной, что духовник Талас не покидал своего поста за алтарем и старался укрепить души всех, кто находился в капитанской рубке. И в данный момент Талас, энергичный священник слабого телосложения, но с несгибаемым духом, стоял за кафедрой и с неудержимым религиозным пылом читал бесконечные проповеди. В его словах звучал гнев самого Императора. Духовник живописно рассказывал о множестве вариантов преисподней имперского культа, куда попадут грешники, стоит им поддаться посулам Врага. За долгие годы, пока Хорстгельд предоставлял кафедру рубки духовнику, он привык к постоянным увещаниям. Проповеди звучали для него музыкой сфер, но остальной команде приходилось слушать их поневоле.

— Вызов с «Образцового», — доложил один из офицеров связи.

— Уже приближается расчетное время посадки,— заметил Хорстгельд при виде появившегося на экране лица капитана Механикус. Если только это можно было назвать лицом: одну половину черепа закрывал непроницаемый капюшон из сверкающего серебра, а другая состояла из мертвой серой плоти.

— Контр-адмирал, — раздался голос капитана. К немалому замешательству Хорстгельда, голос из вокального синтезатора звучал совершенно по-женски. — Есть какие-то новости о нашей миссии?

— Мы потеряли вокс-связь с ними в верхних слоях атмосферы, — ответил Хорстгельд. — А что у вас? Что-нибудь выяснили?

— Обнаружили.

Последовала долгая пауза.

— И? — раздраженно спросил Хорстгельд.

— Источник трансляции определенно находится на поверхности. Он обладает чрезвычайной мощностью, намного превосходящей возможности вещания космических кораблей и всех стандартных станций, имеющихся в распоряжении Империи. Сравниться с ним могут только навигационные маяки, которые находятся за пределами Солнечной системы.

— Отлично, капитан. И о чем говорится в передаче?

— Сигнал не поддается дешифровке.

— Вы хотите сказать, что не знаете, как это сделать?

— Сигнал не поддается дешифровке.

— Хм-м. Еще что-нибудь?

— Стало ясно, что закодированная в сигнале информация не могла быть создана при помощи известных Адептус Механикус логических технологий. В сигнале содержатся энергетические составляющие явно неземного происхождения.

Хорстгельд наклонился вперед с командирской скамьи:

— Колдовство?

— Это грубое, но весьма точное определение. Да.

— И вам известно, на кого оно направлено?

— Кроме того фактора, что сигнал передается на северо-запад, больше ничего не известно.

— Поскольку это явно сверхъестественная угроза, я требую, чтобы комиссар Леюнг был на борту «Образцового». Я не желаю, чтобы кто-то из ваших людей из-за этого лишился разума.

— В этом нет необходимости. Магосы-психологи вполне могут поддерживать моральное состояние команды на должном уровне.

— Примите Леюнга на борт. Это приказ. Ваш корабль является частью моей флотилии, и вы командуете им с моего разрешения. Не вынуждайте меня принимать против вас какие-то меры.

Корвейлан поднял — или подняла — руку, словно призывая к спокойствию:

— Адептус Механикус придерживаются строгих протоколов относительно...

— К черту ваши протоколы! — прервал Хорстгельд. — Поступайте так, как вам было приказано, или я отправлю вас под трибунал! И я не могу обещать никакой снисходительности. Приготовьтесь принять челнок Леюнга. Конец связи!

Хорстгельд щелкнул переключателем экрана и вновь уставился на изображение системы Борозис. Ненавистное черно-багровое пятно Каэронии горело на переднем плане. Некоторое время контр-адмирал прислушивался к проповеди Таласа.

— ...Разве не Император дает вам свет и огонь? Свет, который ведет вас, и огонь, ждущий, чтобы сжечь неверующих? Я говорю: да! Да, это Он! И если вы, благочестивые сограждане, верите, значит, вы — Его орудия, направленные на уничтожение сооружений ереси, чтобы на их месте воздвигнуть Его храмы...

Хорстгельда успокаивала мысль о том, что один из воодушевленных Императором людей всегда рядом с ним, что он постоянно призывает в рубку благословение Императора. Хорстгельд нуждался в словах Императора, поскольку проклятая планета внизу излучала сигнал, который могли понять только колдуны и приспешники демонов. От этого становилось все тревожнее.

Техностраж был мертв. Он лежал на спине; его тело было рассечено до самого позвоночника, и кровь глянцевито поблескивала в слабом, но отчетливом свете. Второй страж повис, наколотый на острый металлический обломок — один из тех, что окружали огромную пробоину в борту десантного челнока. Механикум все еще крепко прижимал к груди лазружье. Руки, сведенные предсмертной судорогой, не желали отдавать оружие, которым он защищал Адептус

Механикус.

Аларик остался жив. Он попробовал шевельнуть рукой, ногой и обнаружил, что может двигаться. Он быстро прошел ритуал Раненого, попутно испытывая по очереди каждую группу мышц в поисках ран или сломанных костей. Ударов он получил немало, но ни одной раны, на которую стоило бы обратить внимание.

Повернув голову, Аларик оглядел останки разбившегося корабля. Еще двое техностражей явно погибли: один из них оставался в кресле, пристегнутый ремнем, но был полностью обезглавлен. Остальные техностражи шевелились. Хокеспур потеряла сознание, но дышала. Сквозь лицевой щиток скафандра юстициарий заметил кровь на ее лице, но рана казалась поверхностной.

Рядом с Алариком в кресле шевельнулся Серый Рыцарь Дворн.

— Дворн?

— Юстициарий? Мы приземлились?

— Для загробной жизни это слишком странное место. Так что ты прав. Мы приземлились.

Все воины отделения Серых Рыцарей были живы, и их ранения оказались незначительными. Дворн, как обычно, держа наготове молот, первым вышел наружу и помог выбраться Аларику. Брат Холварн убедился, что у Хокеспур нет серьезных повреждений, после чего отстегнул ее ремень и тоже вынес из разбитого челнока.

Воздух оказался тяжелым и плотным, словно дым со странным запахом. На табло сетчатки глаз Аларика вспыхнули предупредительные значки, встроенные в горло фильтры преградили путь вредным примесям. Усиленное зрение автоматически приспособилось к скудному освещению, позволяя Аларику выбраться из груды обломков.

Челнок рухнул в ущелье со склонами из искореженного металла. Разбитые дома лежали здесь в несколько десятков слоев. Далеко наверху слои железа были не такими плотными и спрессованными, а в самом конце, как смог разглядеть Аларик, к небу иглами шприцев поднимались тонкие и острые шпильки, усыпанные крошечными огоньками. Само небо имело отвратительный цвет кровоподтека — плотные облака промышленного дыма в совокупности со слабыми лучами звезды Борозис составили мрачную смесь пурпурных и серых оттенков.

Снизу — вероятно, от мощного наземного проектора — на облаках мигали таинственные образы, очертания геометрических фигур, загадочные символы, похожие на буквы незнакомого письма. Ущелье представляло собой трещину, прорезавшую многочисленные наслоения построек мира-кузницы. Его стены наглядно демонстрировали, как городские дома за тысячелетия существования мира строились друг на друге.

Дно ущелья было завалено мусором, скатившимся сверху: разломанными машинами, сгоревшими двигателями, тонкими фрагментами механических тел сервиторов. Архимагос Сафентис залез на верхушку обгоревшего куба, похожего на кожух какого-то двигателя, и продолжал упрямо взбираться наверх, помогая себе дополнительными конечностями.

Из пролома в борту челнока выбрались уцелевшие техностражи вместе с техножрецом Талассой. Всего их набралось около дюжины. Один из солдат поднял щиток шлема: лицо в обрамлении коротких темно-каштановых волос покрывали морщины, говорящие о зрелом возрасте и большом опыте, а один глаз был заменен большой бионической сферой.

— Загрязнение воздуха составляет пятнадцать процентов, — сказал он своим людям. — Дыхательные фильтры применять постоянно!

Аларик вспомнил, что перед ним капитан техностражей по имени Тарк. До этого момента им не довелось поговорить, поскольку миссия готовилась в большой спешке. Но было очевидно, что торопиться с возвращением на «Трибунал» им не стоит.

Аларик тоже взобрался на закопченный корпус двигателя, откуда архимагос Сафентис обозревал окрестности. Дно ущелья перед ними постепенно уходило вверх, пока не соединялось с чем-то вроде плато, видневшимся приблизительно в двух километрах.

— Архимагос! — окликнул техножреца Аларик. — Хокеспур, похоже, не очень пострадала, как и все остальные Серые Рыцари. Но многие из ваших техностражей погибли. Возможно, вам надо с ними попрощаться.

— Они мертвы, — ответил Сафентис, — и больше не нуждаются в помощи.

Аларiku и прежде не раз доводилось сталкиваться с членами Адептус Механикус: многих из них связывали с Ордо Маллеус старые долги. Одни техножрецы обслуживали флотилии Инквизиции, базирующиеся на спутнике Сатурна Япете. Другие напрямую служили инквизиторам в качестве лексмехаников в архивах. Третьи конструировали усиления человеческих тел. И, наблюдая за ними, Аларик пришел к выводу, что с продвижением техножрецов по иерархической лестнице в них остается все меньше человеческих свойств. Сафентис, обладающий высоким званием архимагоса, отнюдь не был исключением.

— Мы отправимся к началу ущелья, — сказал Сафентис. — Оттуда можно будет рассмотреть город.

— У вас достаточно сведений о Каэронии, чтобы определить, где мы находимся?

— У меня имеются полные топографические и городские карты Каэронии. Однако по истечении целого столетия вряд ли они окажутся точными. Получение информации будет нашей первоочередной задачей.

— Я согласен с вами, архимагос, и как командир наземной группы принимаю решение. Не забывайте, что здесь вы подчиняетесь представителям Инквизиции.

Сафентис обратился на Аларика свои фасетчатые глаза:

— Конечно.

— Отделение, мы выступаем,— передал по воксу Аларик. — Ликкос, ты с псипушкой пойдешь впереди. Кардис, огнемёт останется в середине группы на случай засады. Холварн, Хокеспур очнулась?

— Почти очнулась.

— Позаботься о ее безопасности. Я хотел бы вернуть ее Никсосу целой и невредимой. Давайте двигаться, пока кто-нибудь не заинтересовался причиной разрушений.

Сафентис издал поток щелкающих звуков. Аларик распознал в нем двоичный машинный код, который после фильтрации в вокс-приемнике преобразовывался в понятное наречие. В целях безопасности придется настоять, чтобы все в экспедиции настроились на единый вокс-канал.

По мере того как отряд продвигался по ущелью, Аларик все явственнее слышал где-то вдалеке стук работающего двигателя. Длинное узкое ущелье, тонувшее в темноте, не позволяло видеть ничего, кроме тонкой полоски неба. Дно расщелины непрерывно поднималось, и Аларик надеялся вскоре дойти до такой точки, откуда можно будет лучше осмотреть окрестности.

Но кроме звуков и темноты здесь было и еще кое-что — тот же психический резонанс, который юстициарий ощущал на орбите. Чье-то зловещее присутствие, неопределенное и всепоглощающее. Вместе с мельканием изображений на облаках оно вызывало в юстициарии видения странных оккультных знаков и символов — вроде тех, что культисты оставляли на стенах своих храмов или высекали на полу перед проведением ритуалов. Время от времени под облаками мелькали смутные тени. Аларик мог только предположить, что это воздушные суда.

— Передовое машиностроение, — заметил Сафентис, проходя мимо отвалов закопченных деталей и механизмов.— Они не обратились к прошлому. Наоборот, ушли далеко вперед. Макроэкономика на Каэронии достигала уровня «Гамма», а теперь, похоже, они приблизились к уровню «Бета».

— Это нормальное явление? — спросил Аларик.

— Только не в течение одного столетия,— ответил Сафентис.

Техножрец Таласса уже оправилась после падения и быстро заняла место рядом с Сафентисом. Она в большей степени сохранила человеческий облик и потому часто спотыкалась,

пробираясь по захламленному ущелью, тогда как Сафентис ловко помогал себе дополнительными конечностями.

— Архимагос, нам необходимо найти доступ к хранилищу данных планеты, — заговорила Таласса. По внедренным в ее кожу контурам схем Аларик догадался, что Таласса была экспертом архимагоса по информации. — По последним обзорам информации я могла бы экстраполировать наше положение.

— А могли бы вы выяснить, что происходило на Каэронии в течение последних ста лет? — прервал ее Аларик.

— Возможно, — ответила Таласса, бросив в его сторону тревожный взгляд. Аларик тотчас вспомнил, как люди обычно реагировали на его присутствие — со страхом и благоговением. — Если только хранилища данных соответствуют стандартам Механикус.

— Попытка контакта! — раздался голос одного из техностражей из вокс-приемника Сафентиса.

Аларик мгновенно развернулся. Шедший следом брат Ликкос направил дуло псипушки на темное дно долины. Все техностражи заняли оборону, присев или упав на дно и выставив дула лазружей, чтобы прикрыть всю группу.

— Тарк? — невозмутимо окликнул капитана Сафентис.

— Колск доложил о каком-то движении, — последовал ответ.

— А ты что-то видел?

— Пока ничего, но... подождите!

Аларик увидел, как из темноты показалась тонкая, слабая фигура. Она выглядела совсем по-человечески.

Если не считать нескольких обрывков пергамента, приколотых к торсу, бледное тело было почти обнаженным, и босые ноги так неуверенно ступали по обломкам металла, что едва держали существо в вертикальном положении. Обритый череп носил следы повреждений: нижняя челюсть отсутствовала целиком, а вместо одного глаза осталось слезящееся гнездо с ржавыми остатками механической оптики. У существа была только одна рука, а вместо второй — обрубок по локоть, где прежде крепилась механическая конечность.

До Аларика донесся доклад одного из техностражей:

— Это сервитор, сэр. Сборщик мусора.

— Уничтожьте его, — приказал Сафентис.

Техностраж выдернул из поясной кобуры лазпистолет и выстрелил сервитору в голову. Существо вздрогнуло, на мгновение замерло, затем рухнуло на землю. Техностраж, коротко замахнувшись, разбил его череп ударом приклада лазружья.

— Мусорщики опасны, — заметил Сафентис. — Кое-кто из них способен оказать сопротивление. Надо быть настороже, чтобы нас не смогли захватить врасплох.

— У вас есть еще что-нибудь, о чем я должен знать? — спросил Аларик, как только отряд продолжил движение.

— Мир-кузница в этом отношении не похож ни на один мир Империиума, — отвечал Сафентис. — Наряду с бродячими рабами-мусорщиками и сбежавшими сервиторами здесь могут оказаться другие преступники и мятежники. Но их численность намного меньше, чем в городах-ульях с такой же плотностью населения.

Ущелье закончилось. Группа Серых Рыцарей и техностражей вышла на небольшое плато. Показания на сетчатке глаз Аларика свидетельствовали о том, что без встроенных в горло фильтров, поглощающих из воздуха вредные и отравляющие вещества, загрязнение атмосферы было бы уже опасным для жизни. Дыхание Талассы стало прерывистым и тяжелым, но Сафентис не выказывал ни малейших признаков неудобства.

— Мы должны общаться на едином вокс-канале, — произнес Аларик. — Если я не могу мгновенно координировать действия воинов...

Но в этот момент они подошли к краю плато. С ровной площадки открывался вид на город, лежащий внизу. И юстициарий Аларик впервые взглянул на один из городов Каэронии.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/668705>